Прячу кукиш в карман

Прячу кукиш в карман — там труха небогатого быта,
Силикозная пыль фотографий в альбоме пустом,
Никого не видать, хоть кричи, но ничто не забыто,
Глубоко под водой, под охраной команды Кусто.

Упакованы мы в водонепроницаемый корпус,
Равнодушный планктон, чёрный йод, меловые слои,
Чтоб пройти через люк, я уже в должной мере
не сгорблюсь,
Затвердели вполне сухопутные кости мои.

На последний звонок опоздаю, и пальцы неловки,
Чтоб нащупать во тьме кнопку «SOS»
и дыхательный шланг,
Безнадёжно нежны нашей юности боеголовки,
Тонко тикает ток, только юность налево ушла к

Не таким, как они, не с такими, как мы, не такими,
Как тогда, и не так, не теперь, не затем, не туда,
Мы свои корабли не сожгли, мы их все утопили,
Но не сдали врагу, и горит под ногами вода.

Переведи меня через...

Вот настанет когда наконец наш уютный июнь,
Мы истратим с тобой без остатка последний юань,
Заведём в гараже чёрной масти ревущий Cayenne
И нацелим компас на крутые отроги Саян.

Мы пройдём сквозь тайгу, ни Айги, ни пурги не боясь,
Соберём по кускам наш могучий Советский Союз,
Перемесим в куличики чёртовы чёртову грязь,
Так звучит окончание патриотических пьес.

А пока подтяни до колена китайский носок,
Положи под язык сладкозвучный китайский язык,
Уплати, как положено, в кассу калым и ясак,
И шагай за верстак, проклиная в пути этих сук.

Диме Чернышкову

В Сибири жить, лепить снеговика,
бродить в снегу по пояс по сугробам,
быть тронутым на голову слегка,
пельмени со сметаной и укропом
любить за неимением предмета,
историю из школьного предмета
раздуть до необъятных величин,
смотреть на местных женщин и мужчин
со смесью сожаления и страха,
создать себе кумира из пустот,
читать Платона, Кафку, слушать Баха,
и тщетно сожалеть, что век не тот.

О чём стихи?

о чём стихи? как видно, ни о чём.
проходит муза, поводя плечом,
удача нежно щёлкает по носу
мизинцем. от словесного поносу
хранит меня мой виртуальный шлем —
аз есмь, я царь, я бутерброды ем,
в теории — любить кого-то мог,
кумира сотворить, в него поверить,
рейсшиной рифмы путь земной измерить,
в расхристанное небо очи вперить
и долу опустить — я червь, я бог.

не искушай меня, лингвист-зануда,
причмокивая русским языком,
мы не за этим продали страну-то,
и не жалеем больше ни о ком.
сизифов труд в артели «труд напрасный»
к раздаче завершён едва на треть,
в саду погас огонь рябины красной,
а нам в другом назначено гореть.

нехитрый скарб — за пазухою камень —
я на алтарь искусства принесу
натруженными о тачскрин руками.
в конце дороги.
в сумрачном лесу.

пущены мечи не на орала —
кузнецы сдают металлолом,
эх, недолго музыка играла
увертюру «думы о былом».
новых нет, а старые допеты
наши песни в местном шапито.
значит, поражения от победы
впредь не отличит уже никто.

я сплю в носках и вижу страшный сон —
идёт обед на дюжину персон,
я тосты говорю перед гостями,
они подряд меня целуют в лоб,
вкушают рыбу, пять хлебов и плов
поочерёдно черпают горстями
густеет мрак, могучий, будто джип.
висит туман, кремнистый путь лежит
до горизонта. у его черты
огни блестят, как зубы пустоты.

21 августа 2013 г.

Неба серая рогожа
На ветру висит тонка,
Отчего же, милый Боже,
Осень входит без звонка,
И у города в прихожей
Оставляет мокрый зонт,
Да в залив с гусиной кожей
Отжимает горизонт,
Календарь, как лист больничный,
Взаперти сидеть велит
И лечить многостраничной
Переписки целлюлит,
Вся округа, словно охрой,
Грусть-тоской обведена,
И трясёт накидкой мокрой
Август — младший лейтенант,
Плачет, место уступает,
Кивер ветром унесло,
Это в жизни наступает 21-е число.

Гагарин

Гагарин взлетает на небо, небо черно, как смоль,
а земля голубая,
даже огни Москвы сбоку видны немного,
смотрит Гагарин, молчит, лицо улыбая,
ищет связь божественного и земного.

А связи-то нет давно, грузин-недоучка
сломал передатчик,
остальные лопочут теперь бессвязно,
штопает дождь кусты подмосковных дачек,
но завтра Росгидромет обещает ясно.

Брудершафт

потому что круглая планета,
оттого что тухлая планида,
никуда не хочется бежать,
оставаясь в неизменном месте,
мы навеки остаёмся вместе —
оборону крепкую держать.
понапрасну бисера не мечем,
хвастаться нам незачем и нечем,
но своё добро не отдадим —
горькие прозрения ночами,
да коньяк, прописанный врачами, —
полуночных бдений побратим,
он навеки с нами остаётся,
наш варяг так просто не сдаётся,
открываем пробковый кингстон
и, ударив в зеркало стаканом,
чтоб ещё расти до потолка нам, —
за победу… полную притом.

Полковник

Ходит старый полковник, он бывший,
да вышедший весь,
Деревянной ногой босиком по нелётному полю,
И никак не понять не служившим в рядах ВВС,
Как он мог предпочесть чистый спирт
травоядному пойлу.

И не пишет никто сорок лет никакого рожна,
Потому что письмо — это слово пустое на ветер.
А полковнику старому служба простая нужна,
Не за страх, а за совесть, и не за медали, поверьте.

Но страна приготовила поля кусочек ему,
Небольшой, но уютный — под старой сосной
за пригорком.
Золотые погоны ни сердцу уже ни уму,
И купается поле в закате малиново-горьком.
Улыбается в руку смущённая Родина-мать,
Та, что лучших сынов, как траву на поляне, косила,
И приходится к сердцу вплотную теперь принимать,
Как уходит на небо военно-воздушная сила.

Словно редкая стая летящих на юг журавлей,
Промелькнёт и исчезнет на фоне оранжево-медном.
Не кручинься, полковник, нашивок своих не жалей,
Потихоньку от всех я тебе напишу непременно.

Под фонарём снежинки тают

Под фонарём снежинки тают,
Сквозь жёлтый пролетая конус,
А где-то ангелы летают.
Надеюсь, я умом не тронусь

От темноты и неуюта
На перекрёстке сонных улиц.
Зачем-то я ещё стою там.
Стою и мёрзну, и сутулюсь.

Я был весёлым и задорным,
А год кончается, и чёрт с ним.
Надеюсь, свет не станет чёрным,
Надеюсь, хлеб не будет чёрствым.

За окном всё черней

За окном всё черней и паскудней, и осень уже начала
Перемалывать в сутолоке будней слова и дела.

Ты стоишь сам не свой и косяк подпираешь плечом,
Не в ладах с головой, в остальном — не виновный
ни в чём.

А в груди пустота, как в трубе, — хоть кувалдой ударь,
И под ноги тебе отрывной облетел календарь.

В пору горькое зелье на жухлой листве заварить,
Отмечать новоселье зимы, славословия ей говорить.

Вскинуть руки, как будто пытаешься небо обнять,
Задохнуться от муки неясной и губ не разнять.

На застрявшем в зубах полуслове ломается речь,
Холода наготове, и снег собирается лечь.

Солёные мили

Солёные мили, раскинулось море широко,
И те, что любили, ушли, нас покинув до срока.

А волны на берег выносят лишь пену морскую,
И кто мне поверит, что я об ушедших тоскую.

Забуду, что было, как раненый после наркоза,
С улыбкой дебила взгляну озорно и раскосо.

Порежусь глазами об острую сталь горизонта,
Умоюсь слезами и выдохну закись азота.

Привыкаю один

Привыкаю один выходить на дорогу во тьму,
Между плотных гардин облаков зрак луны,
и не стыдно ему

В прошлой жизни багаж беззастенчиво взгляды
вперять,
Что земле не предашь, то не жаль по пути потерять.

Загорится в груди и погаснет любви уголёк,
Темнота впереди, путь кремнист и весьма недалёк.

Словно взмыленный конь, побежишь, закусив удила —
Не на ясный огонь, а на пепел. Такие дела.

Всё к лучшему

Всё течёт, приближаясь к финалу, но не это нас сводит с ума,
По Обводному катят каналу волны нефти, воды и дерьма,

От которых отмоешься вряд ли, упади в них случайно с моста,
Отчего же так жилы набрякли, если нету еще и полста?

Отчего не выходит светило из-за грязной гряды облаков,
Отчего мне ума не хватило не вступать в профсоюз дураков?

Для чего я так много оставил за спиной неулыбчивых лиц,
Почему я живу против правил в самой мрачной из русских столиц,

Почему доедаю без соли хлеб, намазанный красной икрой,
Сомневаясь при этом, не всё ли мне равно, что зовётся игрой

То, что дадено только однажды и вообще не имеет цены,
Что от холода, скуки и жажды чай с лимоном, стихи и штаны

Не спасают, проверено мною многократно на собственной ше-
Если я так назойливо ною, значит, кошки скребут на душе,

Говорить неприятные вещи — с давних пор мой обычай таков,
Взял историю средних веков я в постель, а проснулся в новейшей,

Сам себя принимая в ряды графоманов различного толка,
Я осваивал роль тамады, но и в ней не прижился надолго,

Для любимых своих и родных не источник веселья и денег,
Я обычно взамен выходных отмечаю всегда понедельник,

Льётся с неба за ворот вода, впору под пол забиться, как крыса,
От банальности слов «никогда» и «нигде» мне нигде не укрыться,

Не укрыться от собственных глаз, бритвой шоркая тощую шею,
Сознавая в стотысячный раз, что уже я не похорошею,

Пепелище мальчишеских грёз в этой сырости не разгорится,
И куда бы нас чёрт ни занёс, это к лучшему, как говорится,

По прошествии вёсен и лет потускнела восторженность щенья,
Хорошо попросить бы прощенья, хоть у Бога, которого нет.

Если жизни закончится нить, с этим я тоже как-нибудь свыкнусь,
Приходите меня хоронить в жёлтый дом за коричневый плинтус.

3,14

Гой ты, Русь, птица-тройка, моя опальная королева,
Ты мой четвёртый Рим, давший нам своё право и своё лево,

Жить в тебе интересно и однозначно клёво,
Слушать Чайковского, обожать Андрея Рублёва,

Наблюдать, как холопы на кухнях ругают власти,
Как юнцы собираются в храмах и кричат Богу: «Слазьте!»,

Как халявно имеют тебя холёные проходимцы,
(Ничего, будет день, когда и мы тебе пригодимся).

Ты покорно несёшь свою правду-матку граду и миру,
Каждой твари — по харе, каждой кустурице — по эмиру,

Ты наивно хранишь свою бомбу незабитым голом престижа,
Ну и правильно, по-любому, не голым задом трясти же?

Твой бюджет невелик, но изящен, подобно дамскому клатчу,
Я гляжу виновато в глаза твоих женщин и плачу.

Тело твоё отдано в свой черёд придурку и вертухаю,
И я, как вирус, в тебе живу тысячу лет,
Живу и не подыхаю.